

Открывая Гроссмана

Имена и судьбы

12 декабря исполняется 90 лет со дня рождения Василия Гроссмана. Еще недавно его имя было практически неизвестно нашему молодому читателю: почти тридцать лет никто не решался упоминать в печати о знаменитом ныне романе «Жизнь и судьба», арестованном во времена хрущевской «оттепели» в далеком 1961 году. Сегодня творчество писателя знает каждый, кто хотя бы косвенно соприкасался с русской советской литературой. Роман издан в полутора десятках стран мира, переведен на многие языки, а сам Василий Гроссман занял подобающее место в истории и литературе.

Свое яркое место в истории «Красной звезды» Василий Семенович занял давно и навечно. С первых дней войны интендант 2 ранга Гроссман встал в ряды краснозвездовцев в качестве специаль-

ного (в то время это означало – фронтового) корреспондента газеты. На наших страницах регулярно выходили его очерки и корреспонденции, здесь же увидела свет его фронтовая повесть «Народ бессмертен» – одна из первых в советской прозе о войне.

Готовясь к этой дате, мы решили, что никакие юбилейные материалы не раскроют так ярко личность и характер писателя, как его письма, написанные самым близким людям – жене и отцу – в трагические минуты истории и судьбы, в двух шагах от смерти... Публикуемые впервые, они представляют нам нового Гроссмана – чуткого и заботливого мужа, отца, сына, Гражданина и Патриота. Мы предоставляем читателям возможность самим заново открыть большого писателя без всяких редакционных комментариев. А поможем в этом приемный сын Василия Семеновича – Федор Борисович Губер. Сегодня мы публикуем отрывок из этого по своей сути романа в письмах, охватывающий период первых полутора лет войны.

Далекый городок Чистополь, затерянный в бескрайних татарских степях. Здесь во время войны находился интернат Литфонда, куда была эвакуирована наша семья: я, Федор, мой старший брат Миша, а затем – мама. Здесь во время творческого отпуска Василием Гроссманом была написана знаменитая повесть «Народ бессмертен». Сюда на протяжении полутора лет шли его письма с фронта – бесценная летопись войны.

16.9.1941г. «Дорогая Люсенька, пользуюсь новой оказией, чтобы написать тебе несколько слов... Я здоров, чувствую себя хорошо. Вижу много интересного, езжу много, постоянно меняю свое жительство. Такова наша фронтовая жизнь... Получаешь ли деньги уже через военкомат? Ты поглядывай в «Красную звезду». Раз 2-3 в месяц появляются там мои заметки – вот тебе будет добавочный привет от меня... Целую тебя и очень люблю. Твой Вася».

14.10.1941г. «Дорогая моя, хорошая, посылаю тебе два письма... Я в Москве уже 3 дня, вероятно, дня через два поеду снова на фронт. Там все проще, суровей, легче дышать. И люди там простые, скромные, не знающие цену своей простой душе. Это один повар, когда я его спросил, как он пошел на верную смерть, сказал мне: «У меня душа простая, как балалайка, ей пять копеек цена, не страшно с ней расстаться, вот людям ученым дело другое». Он и не знал, как дорого стоит его душа. Что сказать тебе? Видел я во время войны столько, сколько за всю свою жизнь, конечно, и не пережил. Стал словно другим человеком. И на этой войне я понял, как люблю тебя... Видел я много людских страданий, эта война безмерно жестока. Фашисты воюют не только против мужчин, но и женщины, дети, старики – все выносятся страшные, безжалостные удары. Видел я сожженные города, села, видел столько, что порой удивляюсь, куда все входит, как вместились в меня. Я верю, что мы с тобой увидимся, тогда все расскажу тебе, что видел и что пережил. Ну вот, моя родная, помни, что всегда и всюду, в поле, в лесу, в дороге, в самые жаркие минуты и в тихие дни – я думаю неустанно о тебе и твердо верю, что мы с тобой будем вместе до конца нашей жизни, легкой ли, тяжелой ли будет она. Целую тебя крепко, моя дорогая и любимая. Твой Вася. Поцелуй ребят. Пиши мне в Москву, а если будет трудно, пиши в редакцию «Красной звезды».

20.12.1941г. «Родная моя, пишу тебе через тройную оказию и не очень надеюсь, что письмо попадет к тебе. Ну а вдруг попадет, да еще к Новому году! Живу я здесь хорошо, бытовые условия превосходные – кормят отлично, курева горы, есть и выпивка в нормах, установленных командованием. Настроение хорошее – ведь дела наши на фронте теперь хорошие и сердце радуется от этого. Народ меня окружает милый. Здесь, кстати, Твардовский, я у него ночевал 2 ночи, мне с ним было очень приятно встретиться. Хороший он парень. Передай его жене, что выглядит он превосходно и вообще в полном порядке. Здесь же Долматовский – такой же, как был – «утроба крокодила ему не повредила»... Возит меня новый шофер – Гриша Галигузов, тоже хороший, заботливый парень... Насмотрелся много. Теперь все иначе, чем летом. Дороги, степь в разбитых немецких машинах, брошенных пушках, валяются сотни немецких трупов, каски, оружие. Мы наступаем...»

1.01.1942г. «Милая Люсенька, вот и встретили мы Новый год – ты в Чистополь, а я на фронте... Желая тебе, мое счастье, здоровья и еще раз здоровья. Будь спокойна за меня, не волнуйся, если будет перерыв в письмах – бывает пропадают они... Горизонт над нами проявляется – чувства уверенности, силы владеют армией и каждый день близит победу. Пусть у вас в тылу будет такое же твердое и бодрое настроение...»

25.02.1942г. «Мое ясное солнышко, сегодня приехал и сегодня счастливейший мой день. Письмо и милая посылочка твоя, подробный доклад Твардовского, которого я замучил расспросами о тебе – «а как выглядит и что делает, улыбается ли?» Ну, словом, тысячу вопросов. Но мало того. Эренбург прислал твои письма, адресованные в Куйбышев. 5 писем!.. Получил милые открытки от Миши и Феди. Я к ним привязываюсь все больше и люблю их... А последние 2 месяца почти в постоянных

разъездах. Иногда за день видишь столько, сколько не увидишь в другое время и за 10 лет... Летел сюда на открытом самолете и видел двух лисиц и много зайцев. Самолет летел бреющим полетом, и это зверье в ужасе от него удирало – очень было приятно... Стал я теперь фронтовиком – мгновенно по звуку разливаю, где что происходит – огневой ли налет, рвутся ли мины или снаряды, чьи пулеметы стреляют, отчего дым да почему пламя и пр. Праздник Красной Армии провел у танкистов – какие гостеприимные, заботливые люди. Чудесные люди. Знаешь, моя любимая, я часто думаю – ох, должно быть крепко люблю я тебя, если вся эта огромная масса событий, все эти сотни ярких людей, сотни удивительных происшествий ни на секунду не ослабляют моей тоски по тебе – она словно огненная игла прошла меня всего... Пиши! Пиши! Пусть дети пишут мне, мне их письма доставляют много радости. Поцелуй их. Привет Твардовской. Саша ее жив, здоров. Получила ли фото мое?»

В эти же дни Василий Гроссман часто писал и отцу – Семену Осиповичу.

25.02.1942г. «...Моих поездок и впечатлений хватило бы на весь союз писателей. Дни и ночи я в движении, езжу в бураны и морозы в машинах, летаю на самолетах, езжу санями, а однажды даже на танке ехал, когда наш автомобиль застрял в буране посреди степи. Сколько здесь чудесных людей, какая скромность, простота и какая доброта, удивительно сочетающаяся с воинской суровостью. Да, пусть твое родительское сердце радуется – хорошо меня в армии знают, куда ни поедешь – всюду встречают. Часто вижу свою книгу («Степан Кольчугин» – Ф.Г.) в блиндажах и землянках. А недавно ездил в шахтерский полк, там меня просто в лицо некоторые узнавали – по портрету на книжечке. Так и кричали: «Эй, как там сани запрягли для Степана Кольчугина?» Ну вот, меня это радует...»

6.03.1942г. «Иногда мне кажется, что я всю жизнь ездил на грузовиках, спал в сараях и полусожженных хатах и что никакой у меня другой жизни не было. Снилось мне она, что ли? Прожил я всю зиму в движении, насмотрелся, дай Бог всякому, ругаюсь, голос сделался сильным от махорки и простуды и почему-то правый висок поседел...»

8.04.1942г. «...Завтра уезжаю в Чистополь. Получил творческий отпуск на 2 месяца с 10 апреля по 10 июня. Правда, был предупрежден, что в случае необходимости вызовут меня телеграммой... В Чистополе буду работать над повестью. Хочется написать что-нибудь хорошее, настоящее. Надеюсь, что удастся кое-что сделать, чувствую себя довольно посредственно, утомлен, кашляю сильно, застудил себе нутро при полетах по фронту на открытых самолетах... Положение мое в редакции хорошее, мою работу ценят и меня уважают. Между прочим, отпуск этот получил я единственный из всех военных журналистов, причем не просил его, а дан он мне по инициативе редакции...»

10.04.1942г. «Дорогой мой, добрался я до Чистополя. Добирался я с великими трудностями и приключениями. Когда я приехал в Казань, было самое критическое время – распутица, самолеты не летели, сани не ехали, подводы тоже. Каша еще стояла во льду, и решился я идти пешком, иначе хоть обратно в Москву. Дорога была нелегкой, 140 километров по размытой грязной дороге. Дошел я на 4-й день. Устал, конечно, крепко, ноги себе основательно сбил... Приключения у меня были печальные – в Казани у меня вытащили все деньги, было их 2.500 р. Так что в Чистополь я явился с 2 рублями. Кроме того, из мешка моего крысы вытащили все съедобное, включая кило ваниль-

ных сухарей, которые я вез в качестве гостинца... Я здесь сразу приступил к работе, работа продвигается довольно быстро, но не удовлетворяет меня, не могу я, мне кажется, передать весь богатый и страшный мир войны, все на бумаге бледнее...»

15.05.1942г. «...Работаю я много, регулярно, ежедневно... Началась активность на фронте – слушаю жадно радио. Тут решение всех вопросов и судьбы... Написал за эти полтора месяца около 5 печатных листов. Вначале работа меня не удовлетворяла, новый материал не лез на страницу, сопротивлялся, и я явно делал не то, что нужно. Но в последнее время дело пошло лучше. Сейчас работой увлекся. Читал вчера Асееву, ему очень понравилось, рстачал мне необычные похвалы... Получил недавно архибибериальную телеграмму от своего свирепого редактора, пишет, что не возражает против продления моего отпуска с тем, чтобы я мог закончить работу в Чистополе. Само собой разумеется, что я не заикался даже об этом продлении. Это его личная инициатива... По вечерам сижу иногда под цветущей яблоней, слушаю соловьев, гляжу на освещенные окна домика – мир, тишина, покой. Удивительно мне все это. Есть такой генерал Игнатьев, он как-то сказал, что самые смелые люди это корреспонденты, им приходится каждый раз из тыла ехать на фронт, а это самое неприятное мгновение, этот самый переход от соловьев к самолетам...»

17.06.1942г. «...Работу свою заканчиваю, осталось написать две главы, к 20 числу закончу и, очевидно, уеду числа 21-22-го. Работу свою читал здесь. Похвалы непомерно горячие... На днях нас тут отчаянно обокрали ночью. Отнесли мы к этому событию с высоким философским спокойствием. Все пустяки, кроме победоносного окончания войны. Закончим войну – все вернется...»

В конце июня Василий Гроссман вылетел в Москву с рукописью своей повести «Народ бессмертен».

12.07.1942г. «Милая моя Люсенька, вчера послал тебе телеграмму срочную о том, что повесть моя принята к печати в «Красной звезде». Ортенберг прочел ее, вызвал меня ночью и, представ себе, наговорил кучу самых лестных слов и сказал, что будет печатать повесть без сокращений, всю, от первой до последней страницы... В связи с печатанием повести я задержусь в Москве, очевидно, на довольно длительный срок. Теперь посмотрим, как примет ее читатель. Вопрос это тоже немаловажный... Я все еще не привык к Москве, она в этом году как-то особенно очаровательная – зеленая, чистая, просторная, грустная немного... Приехал Твардовский, ему дали месячный отпуск. Он пишет поэму. Я у него вчера ночевал, ну и выпили мы, естественно, «в плепорцию»...»

20.07.1942г. «...Я теперь в редакции самый нужный человек, редактор вызывает меня по 10 раз на день. Ночью там, так как корректура правится до 2-3 часов утра. Печатают божески... Печатать повесть начали в воскресенье 19-го, сегодня опубликована 2-я глава...»

В августе закончилось публикавание (полностью из номера в номер) повести Василия Гроссмана «Народ бессмертен». Она вышла в свет в августовском номере журнала «Знамя» за 1942 год, а также в «Библиотеке «Огонька», Гослитиздате, Военгизе, издательстве «Правда», затем переведена в Англии, Америке, сражающейся Франции, в Алжире, в Китае. А писатель был уже в это время в окопах Сталинграда, и в душе у него зрело новое большое произведение – будущая дилогия «За правое дело» и «Жизнь и судьба».

Публикация
Федора ГУБЕРА.